

Любовь Козлова

**Дождь для
Лены**

Любовь Козлова
Дождь для Лены

«Автор»

2026

Козлова Л.

Дождь для Лены / Л. Козлова — «Автор», 2026

Каллисто, 2126 год. Старая станция на окраине Солнечной системы. У механика Михеича есть десять лет чужого голоса в голове, сломанный нейрошлем и умирающая девочка, которая никогда не видела дождя. Чтобы подарить ей лес, ему придется потерять единственное, что осталось от жены. Но иногда тишина- это не конец. Иногда это просто очень точная настройка.

© Козлова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Звук отсутствия	5
Часть вторая. Мастерская на Каллисто	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Любовь Козлова

Дождь для Лены

Часть первая. Звук отсутствия

Он проснулся от того, что в ухе было пусто.

Обычно в первую секунду после пробуждения там звучал голос. Тёплый, с хрипотцой, как будто она только что проснулась сама: «Ну что, дурачок, натикало?»

Сегодня — тишина.

Михеич сел на кровати. Металлическая сетка жалобно скрипнула — на Каллисто гравитация 0.13g, но старые пружины всё равно просели за двадцать лет. Он обшарил взглядом каюту: два на три метра, стены в схемах, стол завален микросхемами, на полке банка растворимого кофе «Арбатская площадь» (срок годности истёк семь лет назад, но он пил — других не завозили). В углу — фотография. Женщина с короткой стрижкой, в промасленной робе, держит на руках кота.

— Нина, — позвал он. Вслух.

Никто не ответил. Имплант за ухом молчал. Ни эмуляции. Ни даже фонового шума — белой тишины, к которой он привык за десять лет.

Михеич потёр место вживления — старенький «Заслон-М1», ещё первой серии, с ручной регулировкой и открытой архитектурой. Кожа вокруг немного припухла — старые биосенсоры иногда давали лёгкое воспаление. Он нажал на диагностическую кнопку, встроенную прямо в кожу под черепом. Перед глазами вспыхнуло зелёное окошко:

«Заслон-М1. Версия прошивки: 3.4. Батарея: 94%. Ошибок: 0. Данные пользователя: нет. Режим: В (технический)».

— Не «нет», — прошептал он. — «Пусто».

Он переключил режим вчера. Собственной волей. Почти.

Воспоминание пришло само — обжигающее, как брошенный на снег окурочок. Только снега на Каллисто не было. Был метановый иней, который скрипел под подошвами, как битое стекло.

Вчера он сидел в медсекции. Лена лежала под одеялом, из которого торчали трубки дренажа. Ей было восемь лет, а выглядела на шесть — болезнь скрутила тело, оставив огромные, слишком взрослые глаза. Глаза цвета выцветшего неба. Такие же были у Нины в последний год.

— Дядя Михеич, а вы видели дождь? Настоящий?

— Видел, дочка. Давно. На Земле.

— А он правда пахнет? Мама говорила, что пахнет. Грибами и ещё чем-то.

— Грозой. И мокрой корой. И ещё чем-то, что словами не скажешь. Это надо чувствовать.

Она кивнула и закрыла глаза. Ресницы дрожали. На мониторе пульсировала кривая сатурации — кислород в крови падал до 88%, поднимался до 91%, снова падал. Медсестра, тётя Маша, шепнула ему на ухо: «Ей нужен тот шлем. "Радуга-7М". Мать для неё записала программу "Родной мир". Лес под дождём. Доктор говорит, если она не получит эту картинку... Ей не за что зацепиться, Михеич. Совсем».

Он взял шлем с тумбочки.

Тот весил полтора килограмма — для Каллисто нормально, на Земле шею свернул бы. Задняя панель была вздута — термический удар. Внутри пахло горелым текстолитом и сладковатой гарью. Михеич открыл отсек термогенератора — тот самый блок, который превращал

электричество в тепло, разлитое по восьмистам микродиодам матрицы. Чипа не было. Вернее, чип был — но спекшийся комок кремния, который когда-то назывался LA-374.

— Не производят, — сказал он вслух. Для себя. — Их уже лет десять как сняли. Ни на Земле, ни на Марсе, ни на спутниках.

Лена не заплакала. Она уже привыкла, что чудес не бывает. Просто повернулась к стене. — Ничего, дядя Михеич. Я потерплю. Мама там, в лесу. Она меня ждёт.

И тогда он услышал. Не голос — импульс. Ощущение, что можно сделать иначе. В его мастерской, в ящике с надписью «Хлам — не трогать!», лежал блок управления обогревателя станции. Чип LA-378. Та же архитектура: 32-битный RISC-процессор с тремя ШИМ-каналами и встроенным термодатчиком. Но другой диапазон: LA-374 был рассчитан на 20–42 градуса с шагом 0.1, а LA-378 — на 5–60 с шагом 0.5. Слишком грубо для детской кожи. Слишком широко.

Но можно перепрощить. Можно пересчитать коэффициенты. Можно вшить в прошивку поправочную таблицу, сжать диапазон, растянуть точность.

Он всё просчитал за минуту — в голове, потому что планшет разрядился, а розетка была за кроватью, лезть лень.

Для калибровки нужен был сканер нейронных микровольт. Тот самый, что стоял в его импланте. Спецрежим, который отключал эмуляцию личности. Оставлял только сухую математику. Никакого «как будто она рядом». Только цифры. Частоты. Температуры.

Он знал, что теряет. Десять лет голоса. Того самого, который говорил «вставай, дурачок, солнце уже высоко», когда солнца на Каллисто не было — только Юпитер, огромный, полосатый, закрывающий полнеба.

Тот голос не был Ниной. Он был лучше. Он был её обещанием, что она ещё где-то есть. В цифре, в памяти, в нейронных слепках, которые имплант достраивал каждый раз заново, как пазл без картинки. Каждое утро Михеич просыпался и слышал её. Каждый вечер засыпал под её «спокойной ночи, я рядом». И знал, что это иллюзия. Но предпочитал не знать.

— Режим В, — прошептал он тогда. И нажал «Продолжить».

Имплант щёлкнул — не больно, а скорее обидно. Как будто кто-то очень близкий убрал руку с твоего плеча.

Голос замолчал.

Не сразу — сначала зашумлел, рассыпался на помехи, на отдельные фонемы, на буквы, на импульсы. «Ну», «что», «ты», «ду», «ра», «чок» — последнее «чок» повисло в воздухе, как осколок, и растаяло.

Стало тихо.

Михеич посидел минуту. Потом встал, взял шлем, чип и паяльник. И пошёл в мастерскую.

Часть вторая. Мастерская на Каллисто

Станция «Каллисто-4» висела на орбите Юпитера уже сорок лет. Когда-то её строили как перевалочный пункт для экспедиций к галилеевым спутникам. Потом финансирование урезали, потом вообще закрыли. Остались три десятка человек — учёные-отказники, старые инженеры, несколько детей, рождённых уже здесь, в гравитации, которая составляла всего 0.13 от земной.

Здесь всё было иначе.

Кружка, поставленная на стол, падала три секунды — можно было успеть поймать, если не зевать. Шаг превращался в полёт, если оттолкнуться чуть сильнее. Дети учились ходить не так, как на Земле — они сначала осваивали «контролируемый дрейф», плавное скольжение, и только потом уже шаг. В туалетах стояли ремни, чтобы не уплыть во время сна. Еда прилипала к тарелкам магнитными подносами.

Михеич привык за месяц. Но иногда, по ночам, ему снилась Земля. Тяжёлая. Непрощённая.

Он попал сюда двадцать лет назад, после той аварии.

Не хочется вспоминать, но память лезет сама. 2123 год, орбитальный завод «Вулкан». Разгерметизация плавильного цеха. Он был главным механиком. Помнил лица всех четверых, кого не успел.

Особенно молодого Витьку — тот только неделю как женился, показывал голограмму жены всем, кому не лень. Улыбался постоянно, даже когда варил титановые болванки в трёхстах градусах.

Заслонка заклинила на третьем обороте. Шлюз должен был закрыться за две секунды. Он крутил привод вручную, содрал кожу с ладоней до костяшек, не чувствуя боли — только адреналин и этот дурацкий скрежет металла о металл.

Успел. Но не для них. Для остальных восьмерых.

А эти четверо смотрели на него через иллюминатор аварийного шлюза — стекло три дюйма, пуленепробиваемое, но хрупкое, если с той стороны вакуум. Их лица не перестали быть лицами сразу. Сначала они кричали — он не слышал, но видел по ртам. Потом перестали. Потом начали синеть. Потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.